

Истинное призвание

Сабина Алкире предана делу измерения и искоренения бедности

Алан Уитли

НЕМАЛО экономистов занимается проблемами развития, но Сабина Алкире — одна из немногих, кто также имеет сан священника. Алкире, директор Оксфордской инициативы в области бедности и человеческого развития (ОИБЧР), не выставляет свою веру напоказ. В ее небольшом, без излишеств, кабинете в здании отделения растениеводства Оксфордского университета (здесь не увидишь романтических шпилей) единственным религиозным атрибутом является мандала бесконечного узла — один из самых важных символов благополучия в тибетском буддизме.

«Мои близкие друзья считают полной бессмыслицей, что я человек верующий», — говорит она с заразительным, почти девическим, смехом. «Но я не вижу разницы между мной и моими друзьями — атеистами или гуманистами. Всеми нами движут страстные убеждения».

Тем не менее, когда она рассказывает о многомерном индексе бедности, с которым связано ее имя, очевидно, что она движима не просто чисто научным стремлением наблюдать и более точно измерять бедность в качестве предпосылки для ее искоренения. «Те из нас, кто занимается проблемами развития, глубоко привержены принципам человечности и справедливости, хотя мы исповедуем разную веру и следуем разным учениям», — говорит она.

Подробная картина

Цель индекса ОИБЧР — дополнить традиционный критерий уровня бедности по доходу (1,25 доллара США в день) более точным отражением характера бедности людей на разных этапах жизни. «Чтобы получить достоверную оценку бедности, нужно знать оба аспекта», — говорит Алкире, имеющая двойное гражданство США и Соединенного Королевства.

Мировой индекс многомерной бедности (ИМБ), подготавливаемый на основе обследований домохозяйств, состоит из 10 взвешенных

показателей в трех областях: *здоровье*, измеряемое по показателям питания и детской смертности; *образование*, с использованием числа лет школьного образования и посещаемости школы в качестве представительных переменных; и *уровень жизни*, оцениваемый по доступу к электроэнергии, системам канализа-

Алкоре хочет, чтобы индекс стал составной частью революции в данных, служащих основой для борьбы с бедностью.

ции, водоснабжения, виду пола в жилье, топливу для приготовления пищи и собственности на основное имущество. Каждый, кто не соответствует трети или более показателей, считается «бедным по многомерной системе оценки». Мировой индекс за июнь 2015 года охватывал 101 страну с населением 5,2 млрд (примерно три четверти мирового населения); в среднем около 30 процентов из них являлись малоимущими по ИМБ. Группа Алкоре (а она всячески подчеркивает, что это — плод работы всей группы) разделила полученные результаты на 884 субнациональных региона, подготовив информацию, не отражаемую в средних показателях по странам.

Одним из преимуществ ИМБ ОИБЧР является то, что правительства могут приспособить методологию индекса к собственным условиям, например, путем корректировки весов и пороговых параметров. И в самом деле, по словам Алкоре, ее группа уделяет основное время не глобальному индексу, а национальным ИМБ. Поскольку ИМБ можно разделить на индикаторы, директивные органы могут не только увидеть общую долю малоимущих, но и подробнее рассмотреть, каких условий лишены различные категории населения, скажем, по регионам или этническим группам. Иными словами, этот индекс передает как *масштабы, так и степень* бедности на уровне домохозяйств по различным аспектам, тем самым помогая правительствам проводить целенаправленную политику.

«Эти два компонента позволяют людям, особенно тем, кто занимается анализом политики, получить более точное представление о бедности в той или иной стране посредством сопоставлений за временной период, лучше понять динамику и так далее», — говорит Милорад Ковачевич, главный статистик секретариата Доклада о развитии человека Программы развития ООН (ПРООН) в Нью-Йорке. В своей ведущей годовой публикации «Доклад о развитии человека» в 2010 году ПРООН заменила свой индекс человеческой бедности на ИМБ, который построили в ОИБЧР Алкоре и Мария Эмма Сантос, ныне доцент кафедры экономики Национального университета в г. Баия-Бланка, Аргентина.

В 2014 году ПРООН начала рассчитывать этот индекс независимо от ОИБЧР из-за некоторых методологических расхождений. Но впоследствии они уладили свои разногласия и договорились снова подготовить единый ИМБ в 2016 году. «Они прекрасные коллеги, будет приятно снова поработать с ними», — говорит Алкоре.

Бутан, Колумбия, Мексика, Филиппины и Чили уже приняли официальные национальные ИМБ для содействия распределению ресурсов и оценки надлежащего осуществления мер политики. Несколько других стран, в том числе Тунис, готовятся последовать их примеру.

Колумбия, по словам президента Хуана Мануэля Сантоса, использует свой ИМБ в качестве ориентира при составлении плана развития страны на 2014–2018 годы. «Бороться с многомерной бедностью труднее, но такой подход намного эффективнее», — заявил Сантос на третьем ежегодном совещании Коллегиальной группы по проблемам многомерной бедности, которое состоялось в июне в Картахене, Колумбия. В эту группу, называемую «инициатива Юг-Юг», входят должностные лица из 40 стран.

Алкоре говорит, что индекс не должен «пылиться в архивах». Она хочет, чтобы он стал составной частью революции в данных, служащих основой для борьбы с бедностью. «Мне особенно нравится то, что мы работаем с увлеченными и преданными делу людьми, которые используют наши измерения для разработки мер политики. В настоящее время мы переживаем этап очень динамичной и творческой работы», — говорит она.

Может показаться, что индекс многомерной бедности во многом опирается на работы Амартьи Сена, и это действительно так. «Бедность», — писал Сен в своей вышедшей в 2000 году книге «Развитие как свобода», — нужно рассматривать как «лишение возможностей, а не просто низкий доход». По словам Алкоре, она в значительной мере считает этого индийского экономиста своим наставником. Он действительно согласился быть рецензентом ее докторской диссертации, но затем ему пришлось отказаться из-за нехватки времени, когда ему была присуждена нобелевская премия по экономике в 1998 году.

Ее книжные полки заставлены работами Сена. На шкафу стоит проспект лекции, с которой он выступил в Оксфордском университете в 2013 году, а плакат у ее кабинета резюмирует миссию ОИБЧР цитатой из лекции Сена «Возможность социального выбора»: «Как можно выработать аргументированные обобщающие суждения при таком разнообразии предпочтений, проблем и затруднений разных индивидуумов в обществе?»

Сен является консультантом по ОИБЧР, и Алкоре довольно часто с ним общается. «Но он не занимается практической руководством, ИМБ — это наша работа», — говорит она. — Он может критиковать ее. У него могут быть другие идеи. Но он предоставляет широкую свободу людям, которые стараются развить результаты его работы. Он вовсе не пытается направлять эту деятельность».

Окольный путь к цели

Алкоре пришла к работе по измерению бедности непростым путем. Она родилась в 1969 году в немецком университетском городке Геттингене, но когда она была еще младенцем, семья переехала в США, где ее отец получил должность преподавателя технологий химической промышленности в Университете штата Иллинойс в Урбана-Шемпейн. В 1989 году Алкоре окончила тот же университет по специальностям «социология» и «подготовительные медицинские курсы» и была принята на медицинский факультет Университета Джонса Хопкинса. Однако в промежуточный год она решила отказаться от предложенного места, чтобы не залезать в долги.

В тот год она три месяца работала в качестве добровольца в неправительственной организации, проводившей систематическую иммунизацию среди афганских беженцев в районе Пешавара, Пакистан. «Я жила в доме местной семьи. Их сын учился в моем университете, а сестры были моими ровесницами, так что я полностью погрузилась в эту культуру и язык, и мне очень нравился Ислам», — вспоминает она. В Индии она провела несколько недель в Калькутте, в доме Матери Терезы для умирающих, посетила тибетские поселения в штате Химачал-Прадеш и работала в лагерях беженцев из Шри-Ланки на юге страны. «Это был обычный опыт студенческого годового отпуска, когда ты просто пытаешься впитать в себя как можно больше». Затем Алкоре решила заняться изучением теологии. «Я не знала, что

это такое, так что это было довольно странный выбор», — говорит она с обезоруживающей простотой. «Я была и остаюсь глубоко верующим человеком, это важная часть моей жизни. Я хотела узнать больше о Боге, но поняла, что смысл теологии не в этом. Она, по-видимому, состоит в изучении текстов, связанных с Богом».

Алкире получила диплом по теологии в оксфордском колледже Магдалены в 1992 году, но признается, что это ей удалось с трудом: «Честно говоря, я чуть не провалила теорию — я так и не смогла четко уяснить разницу между злом и страданием». Но ее работа по Исламу была принята с отличием. «Причина, возможно, в том, что я обожала этот курс, к тому же я ранее изучала вариант арабского языка, на котором написан Коран, и поэтому смогла вставить в текст цитаты на арабском». Позже Алкире прослушала курс на степень магистра философии по христианской политической этике, чтобы изучить, как можно содействовать развитию, уважая при этом культурные и духовные ценности других людей. По ее дипломатичному замечанию, для оксфордского факультета теологии это не было «браком, совершенным на небесах». Ее диссертация 1994 года на степень магистра, «Концепция сокращения бедности в деятельности Всемирного банка с 1990 года: теологический анализ», показала факультету слишком современной по содержанию, и в докторантуру ее не приняли. В результате она снова сменила специализацию, на этот раз на экономику, по настоятельному совету преподавателя по экономике Латинской Америки Розмари Торп, которую Алкире называет «замечательной женщиной». По словам Алкире, этот переход был для нее естественным, поскольку она уже посещала занятия начиная от эконометрики до теории развития, и для нее они были «очень интересными и нетрудными»; она также изучала работы Сена. К 1995 году она имела за плечами степень магистра, за которой в 1999 году последовала докторская, обе по концепции развития Сена на основе возможностей.

После прихода во Всемирный банк, где она работала с 1999 по 2001 год, Алкире прошла подготовку для посвящения в духовный сан, во время которой познакомилась с Эдмундом Ньюэллом, капелланом при епископе Оксфордском. Если Алкире перешла от теологии к экономике, то Ньюэлл изучал в Оксфорде экономику и экономическую историю до того, как он стал священником англиканской церкви. Позже они совместно написали книгу *“What Can One Person Do? Faith to Heal a Broken World”* («Что может сделать один человек? Вера, исцеляющая израненный мир»), в которой рассматривались Цели развития тысячелетия ООН с теологической и практической точек зрения.

«Для нее экономика — такое же призвание, как христианство. Она всецело предана этой науке — людям, которым она служит. Это одно из ее качеств, которые были очевидны тем, кто с ней работал», — говорит Ньюэлл, который теперь возглавляет благотворительную организацию в области образования и исследовательский центр в пригороде Лондона.

«Суть не в абстрактной экономической теории. Главное — практические возможности для помощи малоимущим всего мира. Это наглядно проявляется в характере нашей работы и во всем, что она делает», — добавляет он.

Алкире уже давно хотела применить концепцию возможностей Сена к измерению многомерной бедности, и решающий сдвиг, наконец, произошел в 2006 году, когда она начала сотрудничать с Джеймсом Фостером, ныне профессором университета им. Джорджа Вашингтона в Вашингтоне, округ Колумбия, и ведущим специалистом по методам измерения. В 1984 году, когда Фостер учился в аспирантуре Корнельского университета,

Портрет Алкире работы Карла Лаццари, 2006 год; фрагмент картины «Воскрешение Лазаря».

он совместно с Джоэлом Гриром и Эриком Торбеке (из того же университета) разработал названный их инициалами набор индексов бедности ФГТ, которые по сей день широко используются для измерения единичных переменных, таких как доход, потребление и калорийность питания. Сначала Фостер «весьма подозрительно относился к любым многомерным показателям», по словам Алкире, которая в то время занималась организацией ОИБЧР. «Но мы целую неделю все подробно обсуждали, — вспоминает она. — И наконец, кажется, осознали, какие возможности открываются в методологиях на основе его работ».

В результате этой марафонской «мозговой атаки» родилась методология Алкире-Фостера, составившая основу ИМБ. Алкире говорит, что она очень многому научилась у Фостера. «Он больше ориентирован на теоретическую работу. Если требуются доказательства, это по его части. Это вроде языка, который я понимаю, но на котором не говорю», — признается она. И снова смеется. «Я стараюсь учиться, но он в этом на голову выше меня».

Суровый критик

Алкире говорит, что приобретенные навыки медитации позволили успокоить то, что она называет вспышками раздражения, случавшимися в детстве. Однако ее уравновешенность, похоже, подверглась испытанию в 2010 году, когда во время посещения Бутана (да еще и на выездном семинаре по медитации) до нее дошли сообщения, что Мартин Равайон, в то время ведущий исследователь Всемирного банка, подверг резкой критике новое увлечение индексами многомерной бедности. «Об этом мне сообщили по телефону, и мне пришлось пройти 5 км до гостиницы, где был Интернет, чтобы написать ответ», — вспоминает Алкире.

Критикуя новый ИМБ ПРООН, Равайон заявлял, что просто невозможно поверить в то, что один индекс может передать все аспекты бедности. «Все мы согласны с тем, что снижение детской смертности — чрезвычайно важная цель развития, но как можно утверждать, ... что предотвращение смерти одного ребенка равнозначно устранению совокупности лишений, связанных с земляным полом в жилище, приготовлением пищи на дровах и отсутствием радио, телевизора, телефона, велосипеда или автомобиля?» — писал он.

Пять лет спустя Равайон, теперь профессор экономики в Джорджтаунском университете в Вашингтоне, округ Колумбия, остается суровым критиком. По его мнению, сведение различных показателей бедности в один индекс сродни объединению всех шкал и индикаторов в автомобиле в единственный прибор. «Аспекты благосостояния, связанные с человеческим развитием, насуточно важны для оценки общественного прогресса, но я не хочу объединять их в некоем составном показателе с материальными благами», — говорит он. «Я хочу рассматривать их отдельно. Я хочу видеть, где дела у страны идут хорошо, а где нет». По мнению Равайона, сведение разных показателей в ИМБ может быть однозначно вредным, если директивные органы не понимают, какие компромиссы заложены в этот индекс. «Я бы настоятельно рекомендовал осторожный подход», — говорит он. — Правительства видят лишь сами индексы. Они не знают, из каких ингредиентов сварен этот суп. Не думаю, что это хорошая основа для разработки политики».

Будет преуменьшением просто сказать, что многомерные индексы, такие как ИМБ ОИБЧР, больше нравятся аналитикам экономической политики, чем экономистам. Помимо субъективности, присущей выбору компонентов и их весов, этот

индекс дает повод для критики тем, что полагается на международные обследования и показатели, которые могут быть применимы не ко всем странам. Подходит ли он, например, для измерения бедности как в Африке, так и в странах бывшего Советского Союза? Статистики также не одобряют показатель общего ИМБ, который использует порядковые, а не количественные данные. «Все эти составные индексы служат целям коммуникации. Никто не утверждает, что они очень точны», — говорит Ковачевич из ПРООН. «Но если люди заинтересуются и захотят узнать, почему в этой стране ситуация развивалась так, а в других иначе, они могут раскрыть индекс и посмотреть на его составные части».

Чарльз Кенни из Центра мирового развития, аналитической организации в Вашингтоне, согласен с Алкире, что рассматривать борьбу с бедностью исключительно через призму дохода было бы ошибкой. Такие страны, как Гаити и Демократическая Республика Конго добились небольшого снижения детской смертности и улучшения образования, несмотря на то что их доходы не растут, отмечает Кенни, автор *“Getting Better: Why Global Development Is Succeeding — and How We Can Improve the World Even More”* («Изменения к лучшему: почему мировое развитие идет успешно, и как мы можем еще больше улучшить мир»). Однако и он опасается, что ИМБ может заменить одну политически удобную универсальную цифру (доход 1,25 доллара США в день) другой. «Меня беспокоит, что после всех доводов о многомерном характере бедности ИМБ в итоге выражается одной цифрой».

Еще одно затруднение состоит в том, что любой индекс в итоге зависит от качества используемых данных, а в странах с формирующимся рынком их качество нередко недостаточно. «В области знаний о развитии существует двойная проблема: мы знаем меньше о бедных странах и меньше о малоимущих в бедных странах», — говорит Мортен Джервен, автор книги *Africa: Why Economists Get It Wrong* («Африка: почему экономисты ее не понимают»). Например, обследования на местах для выяснения того, действительно ли домохозяйства имеют доступ к электроэнергии (это один из показателей ИМБ), проводятся явно недостаточно часто. «ИМБ обеспечивает некоторую степень дезагрегирования и делает это немного лучше, чем некоторые другие показатели», — говорит Джервен, старший доцент в университете Саймона Фрейзера в Бернаби, Британская Колумбия, Канада. «Но если используемые в нем цифры обновляются нечасто или не опираются на реальные наблюдения, эти тенденции могут ничего не значить».

На фоне поиска более качественных показателей бедности все большие сомнения вызывает способность традиционной статистики, особенно ВВП, измерять экономический рост в цифровой экономике, не говоря уже о благополучии, благосостоянии и экологической устойчивости.

«Чтобы точно измерять наше продвижение в формировании устойчивого образа жизни, мы считаем необходимым не ограничиваться показателями ВВП», — отметила Гудрун Копп, государственная секретарь парламента Германии по экономическому сотрудничеству и развитию, объясняя, почему Берлин начал оказывать поддержку ОИБЧР в работе по многомерной бедности.

Диана Койл, автор книги *“GDP: A Brief, but Affectionate History”* («ВВП: краткая история, рассказанная с любовью»), предлагает вести наблюдение за «приборной панелью» индикаторов роста общественного благосостояния, таких как Индекс лучшей жизни Организации экономического сотрудничества и развития. «Можно привести контраргумент, что нужна одна цифра, потому что на нее обращают внимание избиратели и политики», — говорит Койл. — Но хотя такой вариант кажется привлекательным, он лишь скрывает некоторые компромиссы, с которыми должна иметь дело политика». Алкире признает пользу подхода с приборной панелью, но предлагает включить в нее ИМБ. «С чем мы не согласны, так это с мнением о том, что следует рас-

сматривать факторы лишений только по отдельности, не стремясь выяснить, кто не имеет доступа одновременно ко многим факторам», — говорит она.

На сайте ОИБЧР приводятся ссылки на статьи и блоги с критикой ИМБ, и это похвально. «Трудности еще не позади, ведь наша работа все еще встречает сильное сопротивление», — говорит она. Сам коллектив ОИБЧР «всегда готов азартно спорить» о том, как можно улучшить индекс. «Нет зон, недоступных для критики, я и сама, конечно, нахожу много недостатков в индексе и методологии», — добавляет она. Не все данные сопоставимы или отражают последние изменения, есть пробелы в субнациональных обследованиях по регионам, но это вполне качественный индекс, и он быстро совершенствуется с повышением качества обследования. «Есть целый ряд критических замечаний, к которым я отношусь с пониманием и уважением. Но в практическом плане я с ними не согласна», — говорит она уверенно.

Предстоящие задачи

Каковы дальнейшие планы Алкире? Она твердо намерена далее совершенствовать ИМБ и увеличивать его охват для измерения занятости, расширения возможностей («это моя страсть») и проблем насилия. Ей бы очень хотелось разработать индекс, полнее освещающий условия жизни женщин и обращение с ними, но такая инициатива потребовала бы широкой политической поддержки. «Нельзя слишком отрывать от позиции стран», — говорит Алкире. — Это решение должно быть принято международным сообществом. Если оно заинтересовано в индексе на гендерной основе, мы знаем, как его составить, но у нас нет нужных данных».

Было ошибкой считать, что для измерения многомерной бедности требуется собирать намного больше данных, чем для отслеживания бедности по уровню дохода или потребления. Например, ИМБ использует только 39 из 625 вопросов из проводимых Агентством международного развития США демографического обследования и обследования состояния здоровья населения, одного из главных источников данных ОИБЧР (другим таким источником является Обследование по многим показателям с применением гнездовой выборки ЮНИСЕФ). Достаточно будет немного подправить вопросы. «Всего несколько секунд — и вы сможете получить намного более качественную информацию», — говорит она.

С сентября 2016 года Алкире будет руководить своей программой из США, где она согласилась занять должность штатного профессора в университете Джорджа Вашингтона, — вместе с Джеймсом Фостером. «Университет любезно предложил удобные и продуманные условия на переходный период», — говорит она. Тем не менее, исследования в Оксфорде по проблемам измерения бедности будут продолжаться в той или иной форме. «Понятия не имею, как это будет происходить практически», — говорит Алкире. — Я просто хочу иметь возможность продолжать работать над этими вопросами».

Пока же дел у нее предостаточно. Работа в церкви не оставляет времени на хобби — кулинарию, физические упражнения и медитацию. Помимо обязанностей почетного капеллана в колледже Магдалины она много времени уделяет своему приходу Сент-Джон в предместье Восточного Оксфорда Каули, где уже очень долго нет приходского священника. «Я этим занимаюсь год, но это, несомненно, изменило мою жизнь. Теперь мне чаще всего приходится быть дома по воскресеньям. Это так странно», — смеется она. Видимо, делам божьим нет конца. ■

Алан Уитли — автор и редактор статей по экономике, ранее работавший в агентстве Рейтер, редактор и соавтор книги *“The Power of Currencies”* («Власть денег»).